

Holmberg U. Vepsäläisten häämenot // Suomen Museo. 31. Helsinki, 1924. S. 109–136.

NÄKM — Näytteitä Äänis- ja Keskihapsän murteista (Keränneet: Setälä E.N., Kala J.H.). Helsinki, 1951.

Perttola J. (далее указывается номер хранения текста) // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kansanrunouden arkisto (SKS)

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1958, II.

Valjakka S. (далее указывается номер хранения текста) // SKS.

О.П. Илюха

ПОДРОСТКОВОЕ ОТХОДНИЧЕСТВО В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. (Олонецкая и Архангельская Карелия)

Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»

В конце XIX — начале XX в. по мере нарастания интенсивности экономической жизни, роста хозяйственных связей и специализации регионов Российской империи усиливалась и трудовая миграция населения: формировались ее направления, географическая локализация, намечались очертания профессиональной специализации крестьян-отходников из конкретных регионов. Менялся и половозрастной состав отходников: в их рядах не редкостью становились женщины, отмечался также значительный рост численности подростков-отходников. В результате длительного отсутствия подростков в деревне нарушался нормальный процесс передачи и освоения традиционной крестьянской культуры. Как отметила Т.А. Бернштам, подростковое отходничество, наряду со взрослым, сыграло большую роль в постепенном размыкании сельской общины, нарушении многих ее функций [Бернштам 1988: 123]. О.В. Смурова, развивая эту мысль, добавляет, что у подростков-отходников, чье мировосприятие и образ жизни формировались в значительной мере вне семьи и вне традиционной культуры, наблюдалась утрата навыков земледельческого труда, отход от православных традиций, трансформация представлений о семейных ценностях. [Смурова 2003, 2006].

Значимость социокультурных последствий подросткового отходничества требует основательного изучения его природы, характера,

региональных особенностей. Задача данной статьи ограничивается выявлением основных направлений подростковой миграции из Карелии (ее Архангельской, или Беломорской, и Олонецкой частей), уточнением принятой в крестьянском социуме «возрастной нормы» отходничества для девочек и мальчиков, установлением основных видов работ, выполнявшихся подростками-отходниками, уровня их заработков, а также рассмотрением некоторых «организационных» и правовых аспектов детского отходничества.

Раннее поэтапное приобщение детей к труду считалось в крестьянской семье нормой. По мере взросления детей сфера использования их труда постепенно выходила за пределы родительского дома, а возрастная граница такого «перехода» была тесно связана с уровнем благосостояния семьи. Характерно, что наиболее ранняя «специализация» детей, зарабатывающих вне дома, связана с нищенством: в кризисных ситуациях (сиротство, военное время) пятилетние дети не только обеспечивали собственное пропитание, но и добывали хлеб своим близким.

Работа в качестве казачка / казаченка, казачихи (кар. — *kazakku*) — наемного работника, выполнявшего самые разнообразные работы, — характерный факт детства конца XIX — начала XX в. в биографиях многих карельских крестьян [Архив КарНЦ]. На работу по найму в пределах волости (ближний отход) детей отправляли с семи-восьми лет. Чаще девочки работали няньками, мальчики нанимались подпасками. Это типичная гендерная оппозиция в профессиональной специализации детей и подростков, работавших по найму. И подпаски, и няньки редко получали за свой труд деньги, в качестве оплаты их кормили, а иногда давали что-либо из одежды. При одинаковой со взрослыми нагрузке и выработке труд детей в целом оплачивался многократно ниже.

Десятилетний возраст, который в представлениях крестьян являлся определенным рубежом в развитии ребенка, отмечен новыми трудовыми обязанностями детей. С этого времени начиналось освоение сложных видов «взрослых» занятий: мальчики учились шить сапоги, девочки ткать. В карельской деревне девочку десяти-двенадцати лет называли «*rikkan akka*» — маленькая хозяйка. К этому возрасту от нее ждали умения выполнять все основные работы по хозяйству: мыть, стирать, готовить, ухаживать за скотом, поддерживать порядок в доме и огороде. По разным источникам (архивным, устной традиции) достаточно четко прослеживается, что десятилетние дети (в первую очередь мальчики) считались готовыми к продолжительной трудовой деятельности вне дома и начинали привлекаться к дальнему (внекраевому) отходничеству. Считалось, что дети младших возрастов скорее «обвыкались» — адап-

тировались к новым условиям. Но по возможности родители предпочитали отсрочить уход ребенка из семьи до достижения мальчиком 12–13, девочкой — 13–14 лет. По достижении этого возраста подростки уже широко участвовали в отхожих промыслах [Илюха 2007: 87].

Некоторые мальчики — в первую очередь сироты — из карельских селений, расположенных неподалеку от Белого моря, так же, как это повелось в русском Поморье, с девяти-десяти лет отправлялись в услужение на тресковые промыслы: готовить обед, мыть посуду, сушить рыболовные снасти. Из прибрежных сел Онежского и особенно Ладожского озер подростки устраивались рабочими на суда. Наиболее сметливые, с раннего возраста осваивая искусство судовождения, становились в дальнейшем шкиперами [Минорский 1886: 195].

«Лесная лихорадка», характерная для Карелии исследуемого периода, отразилась и на жизни детей. В Повенецком уезде, где в начале XX в. две трети взрослого населения было вовлечено в лесозаготовительные промыслы, к этим тяжелым и опасным занятиям привлекались и дети: на лесосплаве девятилетним поручали скручивать хвойные прутья для связки бревен, сторожить продукты, хранившиеся в специальных избушках на плотках. С десяти-двенадцати лет дети принимали участие в основных операциях на лесозаготовительных работах: валили деревья, обрубали вершины и сучья, корили бревна. [Копяткевич 1909: 2] Поскольку оплата труда на лесозаготовках была относительно высокой, на заработки отправляли и девочек. Это обстоятельство красноречиво говорит о том, что мотивация труда карельского крестьянина смещалась от задачи выживания в сторону получения максимальной прибыли, что влекло за собой повышенную самоэксплуатацию и эксплуатацию всех членов семьи.

Отходники объединялись в артели — семейные, родственные (характерны для коробейничества, портновского дела, при добыче озерной руды) или земляческие. В семейных артелях труд отцов и детей-помощников оплачивался суммарно — плату за выполненную работу получал глава семейства. Заработки подростков зависели от совокупности обстоятельств, поэтому могли сильно варьировать. За один «поход» в течение сезона подростки-помощники стекольщиков получали от 10 до 30 руб., не считая того, что обеспечивали свое питание и расходы на проезд. В отдельных видах производства (например, таком сложном, как камнетесное) с ранних лет наработывали репутацию (иногда получали письменную рекомендацию или, как говорили артельщики, «аттестат», дававший возможность получения выгодного заказа в следующем сезоне) [Кустарные 1905: 158].

География детского внекраевого отхода в значительной мере была той же, что и у взрослых. По данным корреспондента Известий Архангельского общества изучения Русского Севера, мальчики 10–15 лет вместе с девушками и женщинами составляли в начале XX в. около 20 % от числа тех, кто уходил из Беломорской Карелии на заработки в Финляндию, куда отцы и братья брали их «для приучения к разносной торговле, а иные для того, чтобы просто не есть дома зиму хлеб, а прокормиться на стороне работой или попрошайничеством» [Романов 1911: 560–562]. Коробейничество получило некий социальный статус и становилось наследуемой профессией. Имеется немало свидетельств о том, что сыновья коробейников, отправлявшихся в Финляндию, поступали в школы княжества, где, приобретая навыки чтения и письма по-фински, они приобщались к лютеранской культуре [Илюха 2009]. В воспоминаниях возраст первого торгового «похода» в Финляндию обозначается расплывчато: «в малолетстве», «в мальчишестве». Девочки отправлялись в Финляндию для «изучения какого-либо ремесла» или для работы прислужой.

Если в Беломорской Карелии подростки отправлялись на заработки в Финляндию или Поморье чаще в составе артелей и трудовая миграция носила сезонный, а значит возвратный, характер, то в Олонецкой губернии детское отходничество имело другой географический вектор, а его организационные формы подчас вступали в явное противоречие с законом. Центром притяжения детской миграции был Петербург, где в большом объеме требовалась неквалифицированная рабочая сила. Дешевый детский труд был основой конкурентоспособности мелких предприятий столицы: лавочек, трактиров, разного рода мастерских. На рубеже XIX–XX веков до 10 % мигрантов, приезжавших в Петербург, были не старше 16 лет [Миронов 2000: 341]. Даже во второй половине XX в. от старожилов все еще можно было услышать предания о том, что карельские купцы поставляли для Петербурга из Олонецкой губернии помимо дров, сена, дичи и прочего «живой товар»: они собирали у крестьян-бедняков, обремененных большими семьями, малолетних детей и отвозили их в Петербург «на учебу» [Конкка 1963: 50].

На поставке дешевой рабочей силы в Петербург специализировались отдельные крестьяне, которых в быту именовали «извозчиками» или «рядчиками». «Извозчик» был заинтересован получить максимальную прибыль от сбыта детей — «мелкого товара», как это звучало на жаргоне торговцев. Лавочник или хозяин мастерской оформлял ребенка вид на жительство, обеспечивал его одеждой и питанием, получая взамен право по существу всевластно им распоряжаться [Круковский 1904:

246–249]. В судебной практике того времени подобное явление фиксируется как торговля детьми. Например, хозяйка одной из ремесленных мастерских на суде объясняла, что в Петербурге принято покупать детей в учение, в результате чего покупатель приобретает право пользоваться рабочей силой ребенка. [Труды 1911: 104].

Поставки «живого товара» шли не только из Олонецкой губернии, но и из других регионов империи. М. Энгман в своей монографии отмечает, что «торговля» рабочей силой малолеток, иногда именуемая даже «экспортом детей», имела место и в Восточной Финляндии на всем протяжении XIX в. [Энгман 2008: 278–280]. Т.А. Листова, исследовавшая традиции воспитания детей в Вологодской губернии, отмечает, что, отдавая детей в «чужие люди», родители стремились оговорить и закрепить документально обязательства работодателей в отношении не только материального благополучия детей, но и нравственной атмосферы, требуя соблюдения законности и порядка [Листова 2001: 658]. Вместе с тем при неграмотности родителей и их оторванности от детей контроль над соблюдением таких договоренностей был крайне затруднен, что создавало условия для разного рода злоупотреблений.

Родители обычно просили разместить мальчиков в магазины, а девочек — в модные мастерские. Перевозчики прежде всего обращались к землякам, которые более благосклонно принимали на работу жителей своей местности и строили отношения с ними на доверительной основе. На столичном рынке труда сложилась специализация выходцев из разных регионов страны: пошехонцы работали преимущественно портными, угличане — лавочными торговцами, ростовцы были огородниками, галичане занимались малярными работами, а большинство трубочистов было выходцами из Финляндии. Целые артели петербургских газетчиков состояли из жителей Олонецкого края, традиционно много их было также в торговле. Юные выходцы из Олонии нередко попадали в мастерские шапочников, башмачников, шорников, басонщиков, конфетчиков, столяров, портных, имеются свидетельства о работе их в качестве поводырей для слепых. Девочек определяли в шапочницы, башмачницы, портнихи и няни [Кофьрин 1902: 1–2, Трофонова 1999: 42–53].

На рубеже веков в Петербурге официально оформился ряд землячеств, среди которых активно действовало и Олонецкое. Сформировавшиеся сети поддержки, желание земляческих общин удержать в своих руках определенные сферы столичной экономики способствовали тому, что миграция нередко шла по хорошо проторенным «тропам» и имела цепной характер. Репутация регионов на рынке труда также влияла на возможности трудоустройства детей. Природная расторопность и чест-

ность карелов благоприятствовали устройству мальчиков в торговые заведения. Девочек из Олонии, славившихся своей чистоплотностью, охотно брали в прислуги. Олонецкое землячество оказывало помощь талантливой молодежи. Так, при содействии землячества было получено пособие губернского земства крестьянскому мальчику Александру Андрианову, который был отдан в иконную лавку, по вечерам занимался в иконописной школе, где проявил способности и поступил в Академию художеств. Сети взаимопомощи, облегчая переход от сельской традиции с ее прочными родовыми связями к урбанизированным стандартам жизни, смягчая адаптацию крестьянских детей в городе, все же не решали проблему полностью. Организация отправки детей в Петербург была стихийной, лишенной должного контроля и со стороны семьи, и со стороны государства [Кустарные 1905: 11, 160].

В соответствии с законодательством в ученики мог приниматься подросток не младше двенадцати лет. На практике это требование не соблюдалось прежде всего потому, что вступлению в ученичество предшествовал своего рода испытательный срок, когда подростков могли беспощадно эксплуатировать. Как правило, в первые годы обучение фактически не велось. Подростки должны были отработать сумму, уплаченную за них хозяином. О.В. Смурова отмечает, что «быть “на побегушках” — вот основное назначение начинающих учеников» [Смурова 2006: 97]. По истечении «испытательного срока» ученик начинал осваивать профессию, становясь подручным мастера. Удачно устроившиеся подростки уже в годы ученичества посылали родственникам в деревню заработанные своим трудом деньги. Эти денежные суммы фиксировались статистическим бюро Олонецкого губернского земства при проведении подворной переписи в 1900–1902 гг. Надо полагать, крестьяне неохотно делились с переписчиками такого рода сведениями, и говорить о полноте этих данных не приходится, однако даже единичные фиксации дают некоторое представление о доходах учеников ремесленных мастерских. Суммы, присланные домой не достигшими 15 лет портными и швеями, сапожниками и башмачниками, а также занятыми «смешанными» промыслами, составляли от 10 до 60 руб. в год [Кустарные 1905: 200–207].

По окончании обучения, занимавшего в общей сложности четыре-пять лет, мальчик, работавший без отпуска и права навестить родную деревню, мог либо вернуться на родину, либо остаться для «повышения квалификации» уже в качестве подмастерья. Так же, как в других видах промыслов, в ремесленных мастерских существовал свой ритуал посвящения. Долгом новоиспеченного подмастерья было выста-

вить выпивку («спрыск»), чем обеспечивалось общественное признание нового статуса (в ином случае подросток якобы оставался среди учеников). По истечении какого-то времени способные подмастерья становились мастерами [Лурье 2001: 86–91, Смурова 2006: 97, Энгман 2008: 242].

Об имевшихся в этой сфере злоупотреблениях было хорошо известно и властям, и специалистам в области права. Однако в силу сложности отношений между учениками и лицами, у которых они обучались ремеслу или торговле, эти отношения с трудом поддавались юридической регламентации. С одной стороны, здесь присутствовал элемент найма хозяином-мастером для обучения ремеслу или торговле, с другой стороны — пользование мастером трудом ученика (нередко — безжалостная эксплуатация). К этим отношениям вследствие совместной жизни учеников с мастером и их малолетства примешивались еще элементы дисциплинарной власти и надзора со стороны хозяина [Федоров 1892: 415–417]. Попечители о бедных ведомства Императорского человеколюбивого общества, на которых в Петербурге был возложен надзор за положением учеников в ремесленных заведениях, не справлялись с этой обязанностью. В целом в области ремесленного и торгового ученичества закон расходился с действительностью. Низкий уровень обучения, ненормированный рабочий день, жестокое обращение, порождающее уголовные процессы об истязаниях, плохие санитарные условия, алкоголизм малолетних — эти вопросы были затронуты на I Всероссийском ремесленном съезде, созванном по инициативе Общества для содействия русской промышленности и торговле, состоявшемся в марте 1900 г. в Петербурге [Пажитнов 1952: 146–147].

Большинство подростков проходили в столице тяжелую «школу» выживания. III съезд земских врачей Олонецкой губернии в мае 1908 г. специально рассмотрел вопрос о массовом заболевании туберкулезом детей, отдаваемых в торговые и ремесленные заведения Санкт-Петербурга. В частности, было отмечено, что в Обуховской и Марининской больницах столицы более всего лечится и погибает детей, привозимых из Олонецкой губернии [III съезд 1908: 35].

Условия жизни, в которых оказывались подростки, толкали их на путь преступлений. Треть всех правонарушений, совершаемых малолетними в начале XX в. (в основном кражи, вызванные недоеданием), приходилась на учеников ремесленных мастерских [Окунев 1911: 37]. Отправка детей в город расценивалась обществом как серьезный сбой в жизненном сценарии крестьянина. Не случайно усыновителю ребенка-сироты запрещалось отдавать его «в мальчики».

Рис. 1. Никольский И.А. Девочка-нянька с ребенком. Олонецкая губерния, 1901 г. Национальный архив Республики Карелия

Рис. 2. Никольский И.А. Мальчик-пастух. Повенецкий уезд, 1901 г. Национальный архив Республики Карелия

Рис. 3. Сани для доставки подростков в город (Круковский М.А. Олонецкий край: Путевые очерки. СПб., 1904)

В условиях городского ученичества ребенок вырывался из детской повседневности и в одночасье оказывался в повседневности взрослой, результатом чего являлась ускоренная социализация (разновидность социализационной не-нормы), что вело к преждевременному освоению подростком социальных ролей взрослого человека, девиациям. Вместе с тем влияние города на жизнь подростка не было однозначно негативным. Современники отмечали и положительный эффект, выражавшийся в интеллектуальном развитии подростков, расширении их кругозора. В большей мере это относилось к тем, кто поработал на фабриках или заводах Петербурга («потер фабричную ляжку»). Вернувшись в деревню, эта немногочисленная часть молодежи уже не расставалась с книгой, составляя постоянный контингент читателей сельских библиотек.

География детского отходничества в пределах своего и соседних регионов, как правило, совпадала с основными потоками трудовой миграции карельского крестьянства. Она обуславливала вовлечение детей в зоны культурного влияния: в первом случае — русского, во втором — финского, способствуя освоению соответствующих языков, упрочению и преемственности этих традиционных контактов.

Библиография и источники:

Архив КарНЦ РАН. Ф. 1, оп. 2, кол. 155. Биографии карельских сказителей. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.

Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX в. СПб., 2007.

Илюха О.П. Финский фактор в развитии школьного дела в Российской Карелии в начале XX в. // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX в. Петрозаводск, 2009. С. 73–87.

Конка У.С. О собирании и некоторых особенностях карельских сказок // Карельские народные сказки. М.; Л., 1963.

Копятевич В. Положение рабочих на лесных промыслах в Олонецкой губернии // Вестник Олонецкого губернского земства. 1909. № 11.

Кофьрин Н., учитель. Увоз мальчиков и девочек из села Песчаного, Пудожского уезда, в Петербург // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 47. С. 2–3.

Круковский М.А. Олонецкий край: Путевые очерки. СПб., 1904.

Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905.

Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX вв. М., 2001.

Лурье Л.Я. «Питерщики» в Петербурге // Город и горожане в России XX в. СПб., 2001. С. 86–91.

Лурье Л., Хитров А. Крестьянские землячества в российской столице: ярославские питерщики // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1995. С. 307–354.

Минорский П. Олонецкие карелы и Ильинский приход // Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1886.

Мионов Б. Н. Социальная история России. СПб., 2000. Т. 1.

Окунев Н. А. Особый суд по делам о малолетних: Отчет Санкт-Петербургского столичного мирового судьи за 1910 г. СПб., 1911.

Р[оманов]. Сношения архангельских карел с Финляндией // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 7. С. 560–562.

Пажитнов К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952.

Смурова О. В. Воспитание и обучение детей крестьян-отходников в России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Педагогика. 2006. № 2. С. 96–100.

Смурова О.В. Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на трансформацию культурной традиции в 1861–1914 гг. (по материалам Санкт-Петербурга и Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний). Кострома, 2003.

Трифонова Л.В. Отходничество заонежан в Петербург в конце XIX — начале XX в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 1999. № 5. С. 42–53.

Труды I Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщин и его причинами, происходившего в Санкт-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 г. СПб., 1911.

Федоров А. Ф. О промысловом ученичестве вообще и о договорах промыслового обучения в особенности. Одесса, 1892.

Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2008. С. 246, 278–280.

III съезд земских врачей. Санитарно-гигиеническая секция // Вестник Олонецкого губернского земства. 1908. № 24. С. 34–36.

Т.И. Дронова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ГРЕХОВНОСТИ» В ТРАДИЦИОННОМ ВОСПИТАНИИ СТАРОВЕРОВ-БЕСПОПОВЦЕВ УСТЬ-ЦИЛЬМЫ

Концепт греха староверов-беспоповцев Усть-Цильмы отражает общехристианское представление о греховной сущности человека с мо-